

Анатолий Подольский

Вася Матаня

рассказ

Вася Матаня слыл среди округи мужиком чудаковатым, но добродушным. Жил он в доме, доставшемся ему от отца, вместе со своей женой – Федорой, которая была старше его лет на десять, а может, и больше. В ближайших деревнях Васю знали все, он любил побалагурить, а если выпьет, то обязательно брал свою потрёпанную тальянку, играл на ней незамысловатые мелодии и пел частушки. Петь Вася мог и без музыкального сопровождения, когда шел на конюшню за лошадьёю или ехал в поле, летом - на телеге, зимой – на санях. Исполнял он не только всем известные деревенские частушки, а и песни, сочиняемые на ходу, из серии: что вижу о том и пою. Не всегда можно было расслышать, о чем поёт Вася, но различить его настроение по исполняемым песням было не сложно. У него все мелодии делились на две категории: грустные и веселые. Причем в меру грустные и в меру веселые. Василий был невысокого роста, с голубыми глазами, которые он прищуривал при разговоре, и русыми волосами. Волосы Василий подстригал регулярно, а не от праздника к празднику, а то и раз в полгода, как это делали другие деревенские мужики. С ним любили играть дети, те, что помладше, а те, что постарше, могли над ним подшутить, причем, иногда, небезобидно. Своих детей у Васи с Федорой не было, но иногда к ним навевывались племянники, которые, бывало, гостили по несколько дней.

Матаней Васю прозвали с юности, когда он каждую милостивую девушку называл «матаня», то бишь, подружка его. Прозвище это настолько закрепилось за ним, что впоследствии Вася стал на него откликаться. Надо сказать, девушек он очень любил, да и вообще охоч был до женского пола.

В бытность его молодости, когда парни и девушки собирались на игрища он гулял и плясал вместе со всеми, но при каждом удобном случае

норовил потрогать грудь, потерявшей бдительность девушки, оказавшейся рядом с ним. Если вечером он куда-то шел и его односельчане спрашивали – «Это ты куда Вася на ночь глядя собрался?», он так и отвечал: - «Девкам титьки мять». Отец его погиб на войне, мать хоть и была женщиной набожной, на его шалости особо не реагировала, а потому вырос Василий этаким бабником и распутником, но скорее бабником по репутации, потому как все девки в округе знали о его повадках и не жаловали его своим вниманием.

Была еще одна особенность у Василия. Он не участвовал в драках и потасовках, которые случались на деревенских праздниках и игрищах. Если начиналась подобная заварушка, а, как правило, свои деревенские парни дрались с парнями из других деревень, Василий становился каким-то незаметным, а то и вовсе куда-то исчезал. Но как только драка заканчивалась, он снова появлялся.

В армию его не взяли. В то время в деревнях считалось, что каждый парень должен отслужить в армии свои два года, а если на флоте, то и три. В противном случае женихом он считался незавидным. С Василием при призыве в армию произошла такая история: на призывном пункте, в районном центре, куда призывники прибыли для сбора и последующей отправки в воинские части, все парни проходили медицинский осмотр. Зайдя в очередной кабинет, где принимала молодая женщина - врач, с пышным бюстом, то Василий, который, кстати, был в одних трусах, буквально онемел, увидев её грудь. Грудь выпирала из белоснежного халата и буквально манила его своими пышными полушариями. Он не смог назвать даже свои имя и фамилию, когда врач спросила его.

– «Вы меня слышите? С Вами всё в порядке?» - участливо сказала доктор. Вася молчал и только сопел носом. Женщина встала из-за стола, подошла к парню и помахала ладонью перед его глазами: - «Аллё, гараж?». И здесь произошло то, что в медицинских кругах называют мудреными терминами, но доктора могут объяснить и просто – переключило. Василий

всей своей потной рукой влез в бюстгальтер прикрывающий, но не закрывающий восхитительную грудь и жадно начал трогать голое тело молодой женщины. Он не чувствовал как она отбивалась, как пыталась молотить своими ладошками по его лицу, он одной рукой держал её за талию прижимая к себе, а другой мямил её груди. Женщина закричала, и в кабинет вошли стоявшие в коридоре призывники. Они силой вытащили Василия в коридор. Когда в кабинет незадачливого специалиста подошли другие врачи, то докторша, на которую было совершено такое посягательство, потребовала, что бы психиатр сделал соответствующее заключение о психическом состоянии Василия. – «Он же больной, не нормальный, псих, маньяк, его лечить надо!». Одним словом весь этот переполох закончился тем, что Васю признали не годным к воинской службе или как говорили тогда, «выдали белый билет». В милицию заявлять никто не стал, так как Вася ничего кроме груди у молодой женщины не трогал и не на что больше не посягал. Станным образом получилось так, что односельчане Василия, обсуждая этот случай, обвиняли во всём докторшу, но никак не Васю. И никаких обидных слов, на предмет того что Вася так и не пошел в армию, ему никогда никто не высказывал. Более того вдовушки и старые девы, их правда было не много, начали оказывать Василию определенные знаки внимания, и тот пошел по рукам. Прозвище Матаня приобрело некий другой смысл, то есть Вася стал другом некоторых одиноких женщин, независимо от их возраста. Но Василий был моралистом, он никогда не смотрел в сторону замужних или тех одиноких женщин, у которых появлялся ухажер. А появилась эта нравственная устойчивость после того, как один из парней, из другой деревни, заметил, что Матаня пытается заигрывать с его девушкой. Парень долго не разбирался с доморощенным Казановой. Поймал Василия у реки и притопил голову соперника со словами: - «Ты Матаня, не пескарь, хоть и похож. Враз захлебнешься, если еще раз взглянешь, сам знаешь на кого».

Женился Василий по подсказке своей матери на одинокой женщине не молодых лет – Федоре. Мать, видимо, понимала, что видная девка за него не пойдет, а одному мужику оставаться нельзя. Мать вскоре умерла, заботы по хозяйству легли в основном на Федору, а Василий работал в колхозе.

Жена Василия давно перестала реагировать на шалости мужа. Она состарилась и почти все время проводила на приусадебном участке, во дворе и хлеву. Выделялась она среди односельчан лишь тем, что единственная в те годы держала козу, тогда как все остальные жители деревни не представляли своей жизни без коровы. Василий с годами тоже стал далеко не молод, его походы на сторону стали не так активны, но привычки остались.

Вечерами, возвращаясь от своей зазнобы Аннушки, что жила в соседней деревне, он негромко распевал:

У Матани сердце сжало
Дайте рюмочку вина
Моя дrolечка прознала
Ночевал я где вчера.

Аннушка красотой особой не выделялась, но была бойкой, веселой и работающей. Когда-то она была замужем, но муж уехал на заработки, как тогда говорили – «на города», и пропал, ни слуху, ни духу. Василия она всегда встречала с улыбкой, угощала блинами, оладьями и совсем не смущалась перед односельчанами за своего любовника.

А Василий оставался самим собой: мальчишек старшего возраста он наставлял: - «Когда пойдем косить на луг, за рекой, вам надо заранее перейти вброд реку и спрятаться на том берегу, в кустах. Сначала реку переходят мужики, как только они отойдут от берега, пойдут через реку вброд бабы. А они переходят как? Сарафаны поднимают, чтобы не замочить. Вы тогда все их богатство на передке и высмотрите».

Его дом обходили цыганки, которые традиционно спрашивали у деревенских жителей молока, масла и яиц. Одно время Василий работал в колхозе конюхом, и к нему обратилась молодая цыганка с просьбой дать ей

сена для лошадей, на которых цыгане путешествовали по селам и деревням, наслаждаясь свободой и одурачивая местных жителей гаданиями и предсказаниями.

- Конечно, дам, отчего не дать. Сена хватит. Пойдем на скотный двор, там возьмешь сена столько, сколько унесешь.

Когда они пришли на место Василий сказал:

-Я тебе помогу сена набрать и завязать веревкой, только сначала и ты дай.

С этими словами он повалил цыганку на сено, не скрывая своих намерений, но та вырвалась и, ругаясь, убежала. С той поры цыганки не приближались к дому Василия.

Однажды, на дальнем сенокосе Володька Лапшин, заводила среди мальчишек сказал, что в обед устроит Васе Матане «концерт». «Концертом» он называл какую-либо выходку якобы в шуточной форме. Бабы и мужики расположились на обед в тени деревьев. Сидели на траве, семьями, расстелив перед собой небольшие скатерти или платки, взятые с собой специально для этого. Рядом ставились корзины с хлебом. Обед на всех, готовил на костре в больших металлических ведрах назначенный на весь сенокос молодой парень – Степан, имевший, не по годам серьезный вид, которого все за глаза называли «Косой». Причем не за косоглазие, его у него не было, а скорее за высокий рост и худощавость. Степан, когда разговаривал с кем-либо, немного наклонялся вперед, наверное, предполагал, что иначе его не расслышит собеседник, получалась такая кривая фигура, из-за которой еще в детстве его и стали называть «Косой». Готовил он хорошо, суп из колхозной говядины и пшенная каша были отменные, и даже самые придирчивые бабы, которые все сами были хозяйками, могли только поблагодарить повара, иногда называя его по отчеству: - «Спасибо, Степан Гаврилович». А возвращаясь с работы, беседовали между собой: - «Если уедет Косой на чужую сторону, на заработки, кто обеды готовить будет? Только если Матаня, он все равно больше поет, чем работает».

Володька Лапшин готовясь к «концерту» заранее изловил лягушку, а их было великое множество в болотистой траве, у берега маленькой речушки, больше похожей на ручей, которую называли Миляш. Как только Василий сел рядом со своей корзиной, готовясь к обеду, Володька подошел к нему со спины и отпустил мокрую лягушку Василию за шиворот. Рубаха у Василия была заправлена в брюки, перетянутые ремнем, и лягушка ни коим образом не могла от туда выбраться, не смотря на дикие крики перепуганного Василия, его подпрыгивания и метания во все стороны. Он не понимал, что ему запустили за шиворот, может ящерицу, может змею, но что-то живое, шевелящееся, мерзкое и липкое. Наконец, он смог расстегнуть ремень и вытряхнул лягушку. Пока испуганный Василий пытался освободиться от прикосновений земноводного животного, крича от ужаса, никто из присутствующих не смеялся, что поставило в тупик Володьку. Он ведь рассчитывал на хохот и шутки. А номер не прошёл. Лапшин осознал, что сценарий идёт не по плану и на всякий случай отошёл подальше. Василий с криком, но уже другим по смыслу и значению, схватил воткнутые в землю деревянные вилы – трехзубцы и бросился за Володькой, который удирая от разъярённого мужчины, перемахнул одним прыжком через Миляш и скрылся в лесу. Василий тоже хотел перепрыгнуть ручей, но не смог, оступися и плюхнулся во весь рост в воду и траву, затем выполз на берег, но встать сразу не смог. К нему подбежал Косой и помог подняться. Все забыли об обеде. Бабы велели Василию снять рубаху и штаны, затем закутали его старым покрывалом, находившимся в кузове грузовой автомашины ГАЗ-53, на которой все и приехали на сенокос. Косой подбросил дров в костер и усадил Василия поближе к огню. Мужики говорили, что надо бы Матане сто грамм, на улице не жарко, как бы он не простудился, да где их взять эти сто грамм. Володька, наблюдавший за всем происходящим из-за кустов, слышал, как его мать грозила в его сторону:

- Пусть только покажется, опалысок, этакой. Ремня от батьки, как пить дай, получит.

По-тихоньку все успокоились и стали обедать, а потом пить чай, приготовленный тоже на костре, из кустов смородины. Через какое-то время мать Володьки крикнула в сторону кустов, где скрывался виновник инцидента:

- Володька, иди, поешь - и за работу. А то хуже будет.

Через пару дней об этом случае все забыли, и только Володька опасался, как бы Матаня не отомстил ему за опрометчивый поступок на сенокосе.

Вскоре Володьке, как старшему среди деревенских пацанов - школьников, доверили возить на лошади с телегой, по утрам, фляги с молоком, от местной фермы на центральную усадьбу. Туда молоко свозилось со всей округи, переливалось в цистерну и её сразу отвозили в райцентр для переработки молока. Утренняя дойка заканчивалась на ферме, когда многие еще спали, но Володьке приходилось вставать очень рано. Он спал на сеновале и заводил с вечера будильник, чтобы не проспать. Прошла неделя, Володька уже подсчитывал, сколько он заработает за утренние поездки с молоком, если все каникулы отработает на перевозке молока, плюс дневная работа в колхозе. Но однажды Володька проспал. То ли забыл завести будильник, то ли будильник не сработал. Проснулся он, когда уже цистерна явно была отправлена из центральной усадьбы. И все же побежал на ферму, сам не зная зачем. Но его никто не ругал. Пустые мытые фляги, опрокинутые вниз, как и положено стояли на месте. Он подошел к скотнику Валентину:

- Слушай, Валентин, а кто молоко отвез? Я ведь проспал.

- Так Матаня отвёз. Он на конюшне в это время всегда. Увидел, что ты лошадь, не забрал, сам её запряг и увез молоко. Незлопамятный совсем Матаня наш. Не стал тебе припоминать выходки твои паскудные. Случись так со мной, я бы тебя в бараний рог согнул и разгибать не стал. Был бы у нас еще один Косой.

Прошел еще год. Заканчивались восьмидесятые годы. В стране начинались изменения, которые население встречало с восторгом и

надеждой, чтобы через десятилетие осознать, что надежды не оправдались, а восторг был недолгим. Но в деревне пока все шло по-прежнему. Люди работали в поле, на ферме, держали домашний скот и обихаживали приусадебные участки. Василий похаживал только к одной зазнобе – Аннушке. Та жила в трех километрах от дома Василия, но это расстояние надо было преодолеть через овраг и речку Каменку, которая разливалась весной всегда и осенью иногда, если шли дожди. Никого не удивляло, что Василий почти каждый вечер, поздно возвращался домой от Аннушки. Иногда он оставался у неё ночевать, но беспокоился о Федоре, которой якобы трудно одной истопить утром печь и старался после ужина с Аннушкой и душевными беседами возвращаться домой. Однажды осенью, уже затемно, он переходил овраг и вдруг услышал, что его кто-то окликнул. Василий перекрестился.

- Не дай бог нечистый шалит.

- Василий, подойди. Это я – Володька.

У дороги, в темноте, лежал человек.

- Кажись, ногу сломал. Хотел с разбегу Каменку перепрыгнуть, да в темноте на камень прыгнул и упал. Придешь в деревню, скажи отцу, пусть лошадь запряжет и приедет, заберет меня.

- Курица - не птица, не улетит, Каменка – не Миляш, не перепрыгнешь. Так вот, да ладно. Пока я до деревни дойду, пока отец лошадь запрягает и едет сюда, часа полтора, а то и два пройдет. Ты здесь околеешь. На вот бушлат, подложи под себя. Я сейчас.

Василий снял бушлат, засунул его под лежащего парня и направился к стоящим рядом осинам. С трудом выломал две большие ветки, пришлось повозиться, но у него был перочинный нож и с его помощью он сумел не до конца отломившиеся от его усилий ветки отделить от дерева. Подошел к Володьке :

- Перекатывайся на ветки, придется тебя прокатить.

- Ты что меня на ветках повезешь?

- Да, ты ведь не девка, чтобы тебя на руках носить. Да я сейчас и девку-то не унесу. Не то, что раньше. Любую молодуху за километр мог отнести, лишь бы согласилась.

Тащить Володьку пришлось нелегко. Парень был уже повзрослевшим, тяжелым. Василий согнувшись, упорно тащил ветки с Володькой, а что бы было легче - рассказывал:

- Была у меня одна молодка. Не буду говорить, из какой деревни. Деревня эта за рекой. Так вот, когда ледоход весной начался, я к ней по затору ледовому через реку перешел. А когда возвращался – затора уже нет. А домой надо. Ни плота, ни лодки. Пришлось идти в ближайшую деревню, взял у знакомых топор и гвозди, срубил пару деревьев, сделал из них типа плотика, и переплыл реку, уклоняясь от льдин, которые плыли по реке. Как не утонул, сам не знаю.

Не страшна мне не погода,

Даже в дождь или в пургу

Как награду все объятья

Я от милочки приму.

Так Василий за разговорами и частушками притащил Володьку к конюшне. Запряг лошадь и повез его в больницу, что находилась за десять километров от их деревни.

- Родителей будить не будем. Утром скажу, что ты в больнице. А сейчас что их беспокоить. Я сам тебя отвезу.

Через несколько месяцев, Володька закончил школу и решил поступать в высшее военное училище в Ленинграде. До автобусной остановки его на телеге повёз Косой. Телега была старой, скрипучей, лошадь тоже не шибко была бойкой.

- Правильно делаешь, что уезжаешь. В колхозе молодым делать нечего, - говорил Степан, - перестройку объявили, но пока ничего не меняется, одна

болтовня. А что дальше будет, не знаю. Наверное, тоже уеду, надоело в навозе копать. Жена моя, Надька, согласна, хоть завтра, говорит, уедем.

На трассе, у автобусной остановке, Володька остался ждать автобуса, а Косой вернулся в деревню, где его ждали привычные дела и заботы. Но теперь у него появилась надежда на переезд в город и новую жизнь, в которой заработки большие, выходные регулярные и отсутствие деревенской грязи, с которой он вырос и провел молодость.

Через несколько лет, в девяностые, перемены пришли и в колхозную жизнь. Колхозы постоянно реформировались. Каждый житель деревни надеялся на лучшее. Но недаром говорят: «На бога надейся, а сам не плошай». Василий Матаня новые времена встретил по-своему. Если в очередной раз в стране происходит ломка старого и приветствие нового, он в своей жизни тоже кое-что поменяет. В один из дней ушел к Аннушке, а вечером домой вернулся не один, а вместе со своей ненаглядной Аннушкой и её коровой, которую та вела на поводке. А еще через день перевез на телеге все пожитки Аннушки к себе в дом. Федора была уже совсем старушка, целыми днями, считай, на печи лежала. Козлуху и другую живность они уже не держали, а тут – корова. Оказывается, Василий терпеть не мог козьего молока, в вот коровье молоко с удовольствием употреблял. Чего только не готовила из молока Аннушка: простоквашу, сметану, творог. С молоком замешивала тесто и выпекала белый хлеб, на молоке варила пшеничную кашу и даже ягоды, собранные для Василия, ставила на стол в алюминиевом блюде с молоком.

Деревенский народ, на генетическом уровне, в течение столетий впитавший, казалось, незыблемые законы нравственного поведения, воспринял новость о переселении Аннушки в дом к Василию, в котором еще жила Федора, как-то совершенно спокойно. В деревнях любое прелюбодеяние было как бы под запретом, а о многоженстве и слыхом не слыхивали. А, поди вот, Матане можно.

Аннушка навела порядок в доме, возродила зарастающий огород Василия, завела в хлеву поросенка и курей.

В это время как раз Степан Косой гостил у родителей. Он теперь жил в Республике Коми, работал на шахте, но каждый год, летом приезжал к родителям со всей своей семьей. Отпуск у него заканчивался, и он перед отъездом зашел к Василию попрощаться. Поговорили немного, затем Косой встал с лавки и, уходя, попросил Аннушку закрыть за ним калитку. Выйдя из дома, Косой сказал Аннушке:

- Слушай, Аннушка, ты теперь не только за Васей ухаживай, а ещё больше за Федорой. Не дай бог – помрет, скажут - загубила старушку, голодом заморила. Сама знаешь, с Василия, как с гуся вода. Он у нас вроде неприкасаемого, а тебя люди осудят.

Аннушка взялась за Федору, со свойственным русской женщине задором и энергией. Затопила баню, помыла старушку, усадила за стол пить чай и объявила, что завтра повезут они её в больницу. Федора сначала отнекивалась, говорила, что умрёт и без больницы, но поняла, что Аннушка настроена решительно и больше не сопротивлялась.

В больнице никаких особых болезней у Федоры не нашли, но доктор, посоветовал ей хорошо питаться, бывать на свежем воздухе и самое главное – положительных эмоций.

«С воздухом и питанием проблем не будет, но где взять для Федоры положительные эмоции. Она хоть и старая, но из ума не выжила и понимает, что полубовница Василия при живой жене в их доме живет», – так или примерно так думала Аннушка.

Думала, думала и придумала. Нашла адреса племянников Федоры, которые уже взрослые и семейные проживали в областном центре, и пригласила их в гости. Племянники приехали, один - с женой и детьми, второй – просто с женой. Сначала был легкий переполох и не понимание: что за Аннушка такая? Но увидев, какой в доме порядок, что Федора сытая и хорошо одетая, не только лежит на печи, но и сидит за общим обеденным

столом, выходит на улицу посидеть на лавочке, за ней ухаживают, холят и заботятся, то приняли случившееся в духе непознанной русской философии: так лучше и быть не может, ведь без Аннушки загнулась бы уже их тетка-старушка. На какое-то время Федора стала центром внимания, оживилась и объявила, что когда помрет, её самовар с медалями и серебряный поднос надо отдать одному племяннику, а все накопленные облигации – другому. Объяснила это тем, что Аннушка пришла со своим самоваром, облигаций у неё и Василия своих хватает, а племянникам память будет.

Два дня гостили племянники у Василия. За это время почти вся деревня побывала в гостях в его доме, что раньше не замечалось. И всех Аннушка встречала и угощала в лучших деревенских традициях.

А через неделю в деревню подъехал «уазик», из него вышел председатель сельсовета - теперь его называли главой сельской администрации - и решительно направился к дому Василия.

- Никак Матаню арестовывать приехал за многоженство. Но один, без милиции. Может просто Аннушку выгонять? – загудела деревня. Все, кто был не занят работой, стали собираться у дома Василия, но в дом не заходили, пока там начальство. Через какое-то время из дома вышел председатель в сопровождении семенившего рядом Василия.

- Так ты его, председатель, куда? – спросил один из мужиков, стоявший ближе всех к калитке, - если арестовывать, то мы, это, против, не позволим, значит. Да и не можешь ты его арестовывать, власти такой у тебя нет.

- С чего вы взяли, что его арестовывать надо? Никто и не собирался. Я с ним воспитательную работу проводил. Сказал, что бы он с Аннушкой Федору не обижали. Слухи до районной администрации дошли, что у вас тут шведская семья, вызывали меня. Я сказал, что Аннушка их дальняя родственница, если кто еще приедет, так и говорите – родня, мол. Хоть и не поверят, но и проверять не будут. Лишь бы газетчики из центра не нагрянули, те раздуют так, что мало не покажется. Желтая пресса это называется.

Федора умерла через три года. Вскоре закончились и различные преобразования бывшего колхоза, когда-то крепкого хозяйства, от которого остались только опустевшие фермы и конюшни, а в деревне остались жить, в основном пенсионеры. Остальные жители разъехались. Больницу и школу закрыли при оптимизации. Бывшие колхозные поля и луга заросли кустарниками, а то и лесом, и только реки, речки и ручьи, все так же разливались по весне. Василий с Аннушкой сдали корову на мясо, хотели продать, да кому в такое время корова нужна. Поросят тоже перестали держать, но курей оставили.

В деревне больше ничего не менялось. Лишь в летний период приезжали к старикам их дети и внуки, но ненадолго, Всем хотелось свои отпуска провести в Египте или в Турции. Так прошло еще несколько лет

Но однажды деревня оживилась. К дому родителей Володьки Лапшина подъехал джип и из него вышел офицер с погонами подполковника. В доме этом давно никто не жил, но народ понял – приехал Володька. Теперь - Владимир Яковлевич. Подполковник посмотрел на родной дом, немного постоял, здороваясь с соседями, и направился к дому Васи Матани.

Ближе к вечеру все захмелевшие от выпитого земляки, (Владимир крепко угостил всех кто остался в деревне), вышли из дома Василия. Хозяин дома присел на лавочке и запел:

Подхожу к родному дому

Дом не весело стоит.

Заготовлена котомочка

На лавочке лежит.

Подполковник предложил:

- Василий, так может, тальянку возьмешь, сыграешь. Под неё петь интереснее. Я ведь некоторые твои частушки до сих пор помню.

- А я многое забыл. Да и тальянки нет, играть не на чем.

Переночевав, в своем доме, подполковник Лапшин уехал. Вернулся он снова через два года. Теперь он был в погонах полковника, а в руках держал новую тальянку.

- Для Василия, купил. Специально ездил в Суздаль, только там договорился. Редкий музыкальный инструмент по нынешним временам, – рассказывал он старикам - соседям, которые вышли по старой доброй традиции поздороваться с гостем.

- Так помер Матаня – то, еще в прошлом году помер. А следом за ним и Аннушку похоронили.

Полковник Лапшин сидел на кладбище у двух могильных холмиков с деревянными крестами, рядом со зданием обветшавшей церкви. Он облокотился на стоявшую рядом с ним тальянку и вдруг так ясно вспомнил слова из частушек Матани, что неожиданно для себя тихо пропел:

Выхожу с утра из дома

А снежок-то свежий.

Вот и жизнь моя прошла

Словно я и не жил.

